

«ШУМИТ НОЧНОЙ МАРСЕЛЬ...»

ЗРИТЕЛЮ явно не доверяют на этом спектакле. Уже в программе, купленной у входа, с помощью классических цитат ему растолковывают, что такое смех и какое значение он имеет в нашей жизни. Затем эти «основные положения» по ходу действия конкретизируются, каждый раз сопровождаясь комментариями. А чтобы никаких сомнений в происходящем на сцене не оставалось, иногда вводится эпилог или просто зачитывается статья из центральной прессы.

Казалось бы, зритель должен почувствовать себя очень уверенно на новом спектакле Московского нового театра миниатюр, но... он почему-то не очень веселится там, где ему подожжено это делать, и недоумевает, когда все должно быть ясным.

«О, времена, о, нравы!» — осуждающе восклицает постановщик миниатюр А. Тутышкин, показывая страничку эстрадной истории. Что ж, осудить и высмеять мещанские нравы, хотя бы и прошлых лет, никогда не мешает. Тем более что пережитки прошлого, как известно, очень живучи.

Начало спектакля задумано по принципу контраста. «Вы услышите современную музыку, музыку 1962 года, — гордо возвещает ведущий, — а потом...».

Небольшое вступление — и

мы в мире модных песенко 1925 года. Оказывается, что обещания в прологе были сделаны слишком поспешно, и объяснения здесь вовсе не лишни. Не будь их, мы ни за что не отличили бы одну музыку от другой и сделали бы совершенно противоположный вывод — о неблагоприятности нашей легкой музыки, которая, судя по услышанному, не изменилась за это время ни по своей оркестровке, ни по манере исполнения, ни по ритмам.

Водрых выводов не хочется почему-то делать, сравнивая и две другие песни, разделенные той же временной дистанцией, — «Шумит ночной Марсель» и «Наша песня». Ванальный «жестокый романс», поставленный очень выразительно и остро, начинает нравиться вопреки всем разъяснениям гораздо больше, чем добродетельная, но очень скучная, лишенная всякой режиссерской выдумки «Наша песня».

...Хорошие, честные «он» и «она» в комедии М. Зощенко «Корни капитализма», решив проверить свои чувства, начинают довольно изобретательно делать и говорить друг другу гадости. И не смотря на благополучное примирение «сторон», зрителю не становится весело. Это совсем не то «горькое чувство», которое вызывает высокая сатира. Недоумение появляется из-за несоответствия темы и приемов ее решения, когда вместе с критикуемыми недостатками уничтожаются и сами черты

комедии. Поэтому далеко не веселый смех сопровождает шуточные недоразумения: вполне естественно рождается недоверие к людям, способным буквально «озвереть» из-за пустяков. Не оправдывает в данном случае и давность написания комедии. Вряд ли честность когда бы то ни было проверялась такими нечестными средствами.

В водевиле 30-х годов И. Ильфа и Е. Петрова «Сильное чувство» нутро винующего мещанина вывернуто наизнанку. Здесь вообще нет хороших людей. Каждый персонаж — олицетворенный порок. Это резкое преувеличение, доходящее до гротеска и обнажающее несоответствие явления с жизнью, найдено очень верно. Водавиль на «легкие бытовые темы» перерос в фарс, и смешное оказалось на грани отвратительного. Но театру этого мало, и, чтобы усилить звучание, сочиняется эпиллог, в котором прошлое соединяется с настоящим.

Оказывается, все эти «герои», олицетворяющие собой далеко не безобидные напманские настроения, живы и здоровы по сей день. Они лишь называться стали по-другому, более безобидно, и несколько изменились внешне...

В миниатюре В. Полякова «Беда и лебедь» времена и нравы, четко разграниченные датами в других номерах, объединились. Прием «смешения эпох» сам по себе

очень интересен. В нем — неисчерпаемые возможности для комических положений и характеров. Однако в этих «перебивках» времен очень важно внутреннее единство смешного: ведь если комическое явление прошлого утраило свою жизненную значимость, то вряд ли оно вызовет смех сейчас. Другое дело, когда острие сатиры обращено в настоящее и наш смех становится новой оценкой знакомого явления. Современная драматургия давно уже объединила трагическое и смешное, но сосуществование их совсем не означает, что одно уничтожает другое. Чувство юмора в серьезном, а иногда и трагическом положении вовсе не выявляет желания высмеять его.

В «Беде и лебедь» часто не выдерживается эта «целенаправленность» смеха. Серьез, который прорывается в комических местах и утверждается в конце чтением статей из «Комсомольской правды», как-то настораживает. И поневоле возникает вопрос, что же здесь неуместно: смех или трагедия?

Как это ни парадоксально, но в спектакле «О, времена, о, нравы!» единственная миниатюра, которая отдается целиком на веру зрителям, — это «Гастроль Рычалова», помещенная 1911 годом. Она не сопровождается никакими комментариями, смешное в ней рождается как следствие спанического художественного действия. И зрителю дано смеяться там, где он хочет.

Пародии всегда удавались театру, они были украшением его прошлых программ, на наш взгляд, более интересных, чем нынешняя. Именно в пародиях проявилось многостороннее дарование таких актеров театра, как В. Ширяев, Е. Жуков, А. Кузнецов. К сожалению, в новом спектакле исполнители не продемонстрировали роста своего мастерства. Даже гротесковая острота, свойственная М. Захарову, как-то притупилась.

Появление штампов и однообразия, которые начинают ощущаться у безусловно одаренных актеров театра, имеют свои истоки, очевидно, в общих недостатках программы, в неясности ее замысла. И здесь мы вправе упрекнуть постановщика спектакля А. Тутышкина и художественного руководителя театра В. Полякова. Ратую за высокую гражданскую сатиру, они, по существу, ей не доверяют и в избранных ими миниатюрах, и в средствах их воплощения, не вооружаются действенным, очистительным оружием смеха, а лишь декларируют его граную силу. Все благие намерения, не подкрепленные прочной художественной основой, разлетелись в прах. И, очевидно, поэтому, уходя со спектакля, очень скоро забывавшь добродетельные комментарии и цитаты. В памяти остается лишь назойливый мотив «Ночного Марселя», который преследует навязчиво и упорно.

А. ТИХОНОВА.